

**ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА)**

Аннотация. В статье на примере губерний Среднего Поволжья с общественно-правовой точки зрения рассматривается цензурная политика царского правительства рубежа XIX–XX вв. в отношении провинциальных изданий.

Ключевые слова: цензурная политика, военная цензура, Устав о цензуре и печати, Временные правила, провинциальная периодика.

Abstract. The article based on the study of the Middle Volga region provinces discusses censorship policy of the tsarist government in respect of provincial prints with the socio-legal perspective at the turn of the 19 th – 20 th centuries.

Keywords: censorship policy, military censorship, the Charter of censorship and press, Temporary Rules, provincial periodicals.

Период второй половины XIX – начала XX вв. – это время становления и развития системы местных изданий, в том числе и периодической печати Среднего Поволжья. Газеты и журналы, издававшиеся на территории региона, оказали заметное влияние на ход политических событий и социальных процессов, способствовали формированию общественного мнения и, как могли, отражали проблемы текущей жизни.

Изучение политики цензурного, административного, ведомственного гнета позволяет увидеть истинное значение периодической печати (особенно в провинции) в общественно-политической жизни страны и выявить средства самодержавного контроля над столь сильным идейным властителем дум.

На рубеже XIX–XX вв. Главное управление по делам печати по-прежнему ведало всеми цензурными комитетами на местах, и в его подчинении находились инспекторы для надзора за типографиями и сотрудниками периодических изданий. В своей работе Главное управление опиралось на Устав о цензуре и печати, содержащийся в т. XIV Свода законов Российской империи (изд. 1890 г.), который действовал до ноября 1905 г. Он состоял из 302 статей, включавших нормы Устава 1826 г. (относившиеся к духовной цензуре), Устава 1828 г., Временных правил 1865 г. и ряда отдельных указов (1863, 1867, 1870, 1872, 1873, 1879, 1881, 1882, 1897 гг.) [1, с. 191].

Малейшие нарушения правил вели за собой строгую административную ответственность авторов и издателей. Нарушениям постановлений о печати были посвящены целая глава Уложения о наказаниях и ряд статей Уголовного уложения 1903 г. Взыскания налагались по любому поводу: за «вредное» направление издания, за «вредную» статью или за дискредитацию должностных лиц и государственных органов. Это давало право современникам шутить: «Если углубиться в закон о печати, то окажется, что нет почти такого вопроса, о котором можно было бы писать, и что все газеты должны быть закрыты как нарушающие закон о печати» [2, с. 8].

Министерством внутренних дел были сформулированы общие принципы подхода как к подцензурным, так и освобожденным от нее изданиям, которые были зафиксированы в следующих руководящих установках для цен-

зуры. Карательные меры следовало направлять против печатных органов, затрагивавших вопросы: 1) христианской веры; 2) формы государственного правления в России; 3) нравственности; 4) собственности; 5) правительства; 6) сословий. Так, например, ст. 96 Устава о цензуре и печати гласила о том, что не допускаются к печати статьи, «в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной и общественной службы» [3, с. 208].

К изданию, нарушившему «правила», применялись следующие административно-карательные меры: после трех предупреждений лишали права помещать различные рекламные объявления фирм, могли запретить розничную продажу, приостановить издание на шесть месяцев или вообще закрыть. Вопрос о возобновлении издания решался министром внутренних дел, который либо выдавал специальное разрешение на возобновление, либо входил в Сенат с ходатайством о его прекращении. Все принципиальные вопросы жизни печати решались в Петербурге: назначение редакторов, рассмотрение особо важных статей [4, с. 5–7].

Вся провинциальная печать проходила предварительную цензуру в лице местной администрации, которая в обязательном порядке просматривала весь материал номера до его тиражирования. После подобных проверок некоторые издания вынуждены были снимать материал с номера и выходили из печати с белыми пятнами, как, например, «Самарская газета». В июне 1901 г. самарский вице-губернатор сообщал в Главное управление, что он находит «названное издание в настоящее время вполне вредным», и отмечал, что, «благодаря строгой цензуре, почти ежедневно по несколько гранок не допускающей в печать, газета до сих пор не подверглась запрещению». Вице-губернатор видел причину этих «бед в том, что во главе «Самарской газеты» стоит лицо, ни по образованию, ни главным образом по характеру не соответствующее назначению редактора-издателя газеты; слабый, неустойчивый в убеждениях г. Костерин находится в полной зависимости от своих сотрудников, в числе которых есть политически неблагонадежные лица и даже поднадзорные» [5, с. 77].

Иногда издания приостанавливали. Так, временной приостановке подверглись в 1897 г. по ст. 156 «Самарский вестник», а в 1903 г. по ст. 144 «Самарская газета» [6, с. 217].

Известный российский издатель конца XIX – начала XX вв. И. Д. Сытин, говоря о капризах «богомольной русской дуры, нашей чопорной цензуры», особенно возмущался 140-й статьей, которая предоставляла право министру внутренних дел запрещать оглашение и обсуждение в печати «какого-либо вопроса государственной важности» [3, с. 210]. В своих воспоминаниях он пишет: «В руках министра это был такой емкий чемодан, в который можно было спрятать все что угодно. Что такое государственная важность и кто может определить ее меру? Важность может быть большая и маленькая, и при желании вопрос о выеденном яйце тоже можно считать государственно важным».

Привычка к беззаконию и самодурству очень скоро привела к тому, что знаменитая 140-я статья превратилась как бы в «комитет взаимных одолжений» для министра и его личных знакомых и друзей. Все вопросы можно было считать «государственно важными» и не подлежащими ни оглашению, ни обсуждению в печати [7, с. 223].

Считаем необходимым подробнее остановиться на «государственно важных» для цензуры вопросах, замалчивание которых приводило к серьезным последствиям. Как известно, в 1891 г. все приволжские губернии постиг неурожай после неудачного в сборе урожая 1890 г., результаты не замедлили ждать – пострадавшие районы охватили голод и холера.

О первых признаках неурожая печать робко и осторожно заговорила еще весной 1891 г., когда не было никаких циркуляров, запрещающих статьи на эти темы. Но печать, воспитанная многолетней цензурной практикой, не давала широкого освещения этим злободневным проблемам, предугадывая недовольства. В ноябре 1891 г. «Русские ведомости» получили предостережение за статьи о голоде, несмотря на всю их скромность. А 12 ноября 1891 г. вышел циркуляр, который достаточно убедительно свидетельствовал о той враждебности, с которой Главное управление смотрело на толки о голоде. Оно напомнило редакциям, что они «могут печатать воззвания и приглашения частных лиц к пожертвованиям в пользу голодающего населения только в том случае, если эти лица представят удостоверения от подлежащей власти, что им таковой сбор пожертвований разрешен» [8, с. 157]. На получение подобного разрешения уходило время, и не все желающие оказать помощь могли получить подобное разрешение, и, конечно, такая процедура усложняла процесс оказания помощи голодающим. Но на этом цензура не остановилась.

1892 г. тоже выдался неурожайным. Положение населения в пострадавших районах становилось невыносимым. 19 октября 1892 г. в редакции газет был разослан циркуляр, «запрещающий всякие заявления о пожертвованиях находящимся в нужде лицам, если на такое заявление нет особого разрешения от местных властей» [8, с. 161]. Впрочем, этот циркуляр никогда не исполнялся с особой строгостью. Однако последствия замалчивания голода были серьезными и исчислялись сотнями погибших семей.

Что касается освещения в изданиях эпидемии холеры, то 27 июля 1891 г. (за год до появления страшной болезни) Главное управление по поводу нескольких отдельных случаев заболеваний предписало, чтобы сведения о них посылались газетами для специальной проверки в медицинский департамент. 13 июля 1892 г. Главное управление подтвердило свое предписание и, не получив действенного эффекта, выпустило новый циркуляр, который гласил: «...в виду такого упорства периодической печати, которая пользуется эпидемией, вовсе не имеющей грозных размеров для того, чтобы смущать публику сенсационными статьями и известиями, Главное управление по делам печати считает не лишним предупредить господ редакторов газет и журналов, что отныне всякий раз при повторении с их стороны чего-либо подобного, оно будет ходатайствовать перед министром внутренних дел о применении к их изданиям наиболее строгих административных кар» [8, с. 168]. Этот циркуляр подтверждался Главным управлением и в 1894 г.

В 1903 г. отмечалось 200-летие русской журналистики. К юбилею был подготовлен «Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати в 1703–1903 гг.», но в основном празднование вылилось в разговор о бесправном положении прессы в России. Много писали о цензурных запретах, административных преследованиях, полном отсутствии права на свободное слово.

Результатом этого обсуждения проблем печати явилась вышедшая в 1905 г. книга сотрудников газеты «Русские ведомости» В. Розенберга и

В. Якушина «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем» [6]. Их наблюдения соответствовали содержанию газет, замалчивающих некоторые важные явления (например, крестьянское движение 1902 г.) или освещающих события не в полной мере.

Авторы отмечают: «...в недавний голодный 1901 год, например, русское общество, волнуясь за участь тысяч людей, обездоленных неурожаем, недоумевало, почему печать относится с таким равнодушием к ходу продовольственной кампании, что целыми неделями о ней не попадает никаких сведений в газетах. А между тем стоустая молва не переставала приносить тревожные вести из голодающих деревень. Та же молва несколько позже разнесла весть о крестьянских беспорядках в некоторых губерниях, но печать слова не проронила о них, пока не появилось правительственное сообщение. Не прибавив затем ни одной черты к изложению фактической стороны этого крупного события русской жизни, печать даже не пыталась подвергнуть обсуждению такой важный вопрос. Напротив, со столбцов газет и журналов на некоторое время исчезли и другие темы, имевшие косвенное отношение к тому же предмету» [6, с. 90].

В августе 1904 г. министром внутренних дел стал П. Д. Святополк-Мирский, который провозгласил «эпоху доверия» правительства обществу и слегка ослабил цензуру. Осенью, по выражению А. С. Суворина, началась «правительственная весна», давшая возможность открыто обсуждать такие проблемы, о которых раньше запрещалось даже упоминать [9, с. 17].

Но для многих провинциальных изданий ожидания «весны» не оправдались. Как признается самарский журналист, известный под псевдонимом Молот, «хочется говорить, кричать, а ему то и дело отвечают: «Тс... Есть у тебя твой постоянный угол – местные злобы, их и касайся, а остальное – тсс!..», снова перо выпадает из рук с застывшей каплей чернил, и снова ты должен писать о том, что-де в театре протекает крыша, а на улицах происходят драки» [10, с. 3].

Начавшаяся русско-японская война также обнажила немаловажные недостатки работы военной цензуры. Информация о военных действиях должна была проходить особенно тщательную проверку. С этой целью при штабе каждой из трех армий было организовано свое цензурное учреждение, как и при штабе главнокомандующего [11, с. 432–433]. Кроме того, в пунктах выхода газет были свои цензурные учреждения, но согласованности в работе всех этих цензурных подразделений не было, поэтому материалы, предназначенные для публикации, или проходили через несколько цензурных инстанций, или «проскакивали» незамеченными. Последствия такой разобщенности не замедлили сказаться: в печать нередко попадала информация секретного характера: приказы по военному ведомству, циркуляры Главного штаба, высочайшие приказы и манифесты, которые содержали в себе секретные указания на новые формирования, мобилизации, отправление военных частей, которые становились ценным источником для противника. Следует отметить, что подобных сведений о деятельности японской армии за все время войны в японской и иностранной прессе не наблюдалось [11, с. 441–442].

Революция и вырванный ею Манифест 17 октября 1905 г. значительно облегчили положение печати. В октябре–ноябре 1905 г. цензура фактически была упразднена. Формально Главное управление по делам печати и его органы на местах продолжали существовать, но опасались вмешиваться в дела

издательств. В циркуляре, разосланном цензурным комитетам и губернаторам, указывалось, что до издания нового закона о печати все правила цензурного устава «остаются в полной силе, самое же отношение цензуры к произведениям печати должно коренным образом измениться» [12, с. 53].

В ответ на это 19 октября 1905 г. собрание представителей периодических изданий и книгоиздательств создало «Союз в защиту свободы печати» и постановило все выпускать в свет бесцензурно. В проект нового закона собрание предложило внести следующие положения: «1) явочный порядок для возникновения изданий, 2) отмена всех видов цензуры и 3) ответственность за общие преступления, совершенные путем печати исключительно по суду присяжных» [12, с. 54].

Время с 17 октября до 24 ноября 1905 г. современники называли «медовым месяцем свободы печати» [9, с. 23]. Средневожские издания, как и большинство российских газет, упиваясь долгожданной свободой, выпускали номера без цензуры, обсуждая самые острые темы. Так, самарский вице-губернатор в очередном донесении в Главное управление по делам печати сообщал, что в вышедших 25–28 октября номерах «Самарской газеты» (т.е. № 200, 201, 202, 203, подготовленных при активном участии большевиков) «помещены статьи, не пропущенные цензурой». Вице-губернатор пишет, что в связи с этим «посланы гранки в Главное управление по делам печати и прокурору Самарского окружного суда» [13, с. 151].

События развивались стремительно и неподконтрольно правительству. Чтобы хоть как-то успеть за ними, власти срочно поручили Комиссии Кобеко подготовить Положение о периодической (повременной) печати. В результате 24 ноября 1905 г. появились Временные правила, которые стали более демократичными, чем проект Устава о цензуре и печати. И хотя они ограничивали свободу печати, но в сравнении с дореволюционным законодательством были, несомненно, прогрессивными. Временные правила отменяли: акты о залогах для периодических изданий; постановления об административных взысканиях, налагаемых на периодические издания; ст. 140 Устава о цензуре и печати; предварительную как общую, так и духовную цензуру периодических и непериодических изданий, эстампов, рисунков, предписания на использование предварительного ареста печатных произведений до выпуска их в свет [23, с. 215–220].

В целом цензура осталась: в неприкосновенности сохранялись положения Устава о типографском деле и книжной торговле. «Союз в защиту свободы печати» опубликовал в петербургских газетах заявление, в котором говорилось, что Временными правилами от 24 ноября «существенным образом нарушены коренные начала свободы слова и извращены «незыблемые основы» гражданских свобод, провозглашенных в Манифесте 17 октября». Союз призывал пользоваться свободой печати явочным порядком. Аналогичное заявление сделал Союз книгоиздателей [12, с. 54].

В конце ноября 1905 г. на многотысячном митинге московских рабочих была принята резолюция о Временных правилах, где отмечалось: «Если новые правила войдут в жизнь, свободному слову в России снова наступит конец... Еще раз напоминаем владельцам типографий, что, если они не хотят, чтобы мы бросили свои печатные станки, для них не должны существовать новые правила» [12, с. 55].

Но протесты прессы не испугали правительство, перешедшее в контрнаступление. В течение ноября–декабря 1905 г. множество издателей и журналистов были подвергнуты различным взысканиям и наказаниям.

Проведенный анализ показывает, что вся сфера русской государственной жизни, значительная часть законодательной и административной деятельности правительства, поведение значительного количества частных лиц, народные движения, голод, бедствия и эпидемии, будучи вопросами «государственной важности», были не доступны для объективного освещения в печати до октября 1905 г. Но тем не менее в таких сложных условиях цензурного контроля редакторы и издатели рубежа XIX–XX вв., будучи смелыми людьми, идущими на разнообразные ухищрения и нарушения, безумно при этом рискуя, каждодневно совершали свой маленький подвиг – печатали общественно значимую информацию, пусть подчас без комментариев и аналитики, иносказательно, эзоповским языком, но пытались говорить о жизненно важных проблемах. Печати было запрещено почти все, но то немногое, что попадало на страницы, имело огромное влияние на развитие общественно-политической жизни Средневолжского региона.

Список литературы

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – М. : Юрид. лит., 1994. – Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – 351 с.
2. **Смирнов, С. В.** Легальная печать в годы первой русской революции / С. В. Смирнов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. – 192 с.
3. Русская журналистика в документах: История надзора / под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 397 с.
4. **Волкова, Т. И.** Общественно-политическая жизнь России на рубеже XIX–XX столетий (На материалах периодической печати) / Т. И. Волкова. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1991. – 56 с.
5. **Булацев, Х. С.** «Самарская газета» в 1905 г. / Х. С. Булацев // Вестник Ленинградского университета. – 1976. – № 2. – Вып. 1. – С. 76–83. – (Литературоведение).
6. **Розенберг, В.** Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / В. Розенберг, В. Якушин. – М. : Сабашниковы, 1905. – 250 с.
7. **Сытин, И. Д.** Страницы пережитого: современники о И. Д. Сытине / И. Д. Сытин. – М. : Книга, 1985. – 416 с.
8. **Туринский, М.** Газеты в провинции / М. Туринский // Исторический вестник. – 1912. – № 4. – С. 150–177.
9. **Махонина, С. Я.** История русской журналистики начала XX века / С. Я. Махонина. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 240 с.
10. **Молот.** Грезы и жизнь / Молот // Самарская газета. – 1904. – 15 октября. – С. 3.
11. **Волковский, Н. Л.** История информационных войн : в 2 ч. / Н. Л. Волковский. – СПб. : Полигон, 2003. – Ч. 1. – 502 с.
12. **Тимофеева, Л.** Законодательство о печати начала XX века / Л. Тимофеева // «Ничего противного закону, правительству и добронравию...»: Взаимодействие органов государственного управления с печатью дореволюционной России : сб. ст. / Рос. акад. гос. службы. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – С. 49–61.
13. **Мартиновская, А. И.** По страницам «Самарской газеты» 1905 года / А. И. Мартиновская // Самарский краевед : историко-краевед. сб. – Куйбышев, 1990. – С. 148–163.

Четверткова Наталья Николаевна
старший преподаватель, кафедра
коммуникационного менеджмента,
Пензенский государственный
университет

E-mail: chenatnik@mail.ru

Chetvertkova Natalya Nikolaevna
Senior lecturer, sub-department
of communication management,
Penza State University

УДК 94(470+571)

Четверткова, Н. Н.

**Цензурная политика российского самодержавия и ее реализация
в конце XIX – начале XX вв. (на примере Средневолжского региона) /
Н. Н. Четверткова // Известия высших учебных заведений. Поволжский реги-
он. Общественные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 52–58.**